

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

УДК 329.11/12(470+570)

ЛИБЕРАЛИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ КАК СТРАТЕГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ирина ЛУКИЯН,
аспирант кафедры философии
Национального университета «Одесская юридическая академия»

SUMMARY

In the article the situation of transit of western ideologies (liberalism and conservatism) is analyzed in the context of world view options of westernizer and slavophilism, ontological religious determinism, modern situation of etatism and forming of national ideologies in the countries of post-soviet space. In particular, paid attention to looks of philosopher and publicist – P. Chaadaev, expressing and propagandizing liberal westernizer ideas; philosopher, publicist and founder of early slavophil – A. Khomyakov; and similarly religious personalist philosopher – N. Berdyaev. The cultural and historical aspect of origin of liberalism is examined, educed and the necessity of adjustment of liberalism conservatism is reasonable for the countries of post-soviet space, within the framework of arising up in each of them peculiars of cultural and historical realities.

Key words: ideology, conservatism, culture, liberalism, policy, post-Soviet space, transformation.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется ситуация транзита западных идеологий (либерализма и консерватизма) в контексте мировоззренческих установок западничества и славянофильства, онтологического религиозного детерминизма, современной ситуации этатизма и формирования национальных идеологий в странах постсоветского пространства. В частности, обращено внимание на взгляды философа и публициста П. Чаадаева, выразившего и пропагандировавшего либеральные западнические идеи, философа, публициста и основоположника раннего славянофильства А. Хомякова, а также религиозного философа-персоналиста Н. Бердяева. Рассматривается культурно-исторический аспект возникновения либерализма, выявлена и обоснована необходимость корректировки либерализма консерватизмом в странах постсоветского пространства в рамках возникших в каждой из них своеобразных культурно-исторических реалий.

Ключевые слова: идеология, консерватизм, культура, либерализм, политика, постсоветское пространство, трансформация.

Постановка проблемы. В обращении к дихотомии либерализм/консерватизм как политически-идеологической парадигме, которая стала доминировать в структурирующем постсоветском пространстве в контексте большого транзита западных ценностей, можно увидеть искусственность попыток привития или проекции западных норм политической идеологии в контексте постсоветских реалий, которые возникли в конце XX столетия.

Целью статьи является изучение либерализма и консерватизма как стратегий трансформации постсоветского пространства.

Изложение основного материала исследования. Понятие «либерализм» происходит от латинского слова «liberalis» («свободный»). Это философское и общеполитическое течение, которое превозносит права и свободы человека над социальными ценностями, государством, которое становится залогом осуществления этих прав. Государство выступает в роли минимального влияния на человека, а также фактора, который дает возможность осуществить все необходимые права. Однако либерализм как широкое течение знаменует ориентацию на индивидуализм, частную собственность, личность как носителя всех ценностей, начиная с ценностей социокультурных и экономических, а также религиозных.

Конечно, такой подход не является универсальным. Либерализм дает широкий спектр осуществления прав и свобод, которые связываются с естественным правом, правом на жизнь, личную волю, собственность, а также созданием гражданского общества как носителя либеральных ценностей. Функции власти становятся ограниченными в рамках либеральной идеологии. Конечно, такой подход получил критическое истолкование. Всем известна критика либерализма Н. Бердяевым и другими теоретиками, что свидетельствовала об ограниченности либеральной идеологии [2]. Критика, однако, имела свои приоритеты согласно культурно-исторической ситуации, в которой осмысливался принцип либерализма как политическая идеология.

Если речь идет о культурно-историческом контексте возникновения либерализма в постсоветском пространстве, то следует несколько слов сказать о его истоках в культуре Российской империи. Уже в реформах М. Сперанского можно увидеть первые ростки либерализма, которые, однако, не приобрели широкого распространения. Свои реформы М. Сперанский пытался осуществить в рамках образования, реформируя такие институты, как средняя школа, Царскосельский лицей. Однако широкая бюрократическая структура чиновничества, табель о рангах, чиновничья структурация норм и правил противостояли реформам.

В определенной мере либерализм связывают с движением декабристов, однако декабрьский мятеж, который состоялся на площади, привел к тому, что восстание не завершилось никакими последствиями. Александр II был одним из тех, кто действительно провел либеральные реформы, повлиявшие на долю Российской империи. Именно создание свобод, которые были необходимы, отмена крепостного права, создание земских школ, своеобразной системы, дававшей возможность увеличить гражданские свободы, облегчить цензуру, уменьшить притеснения религиозных маргиналий, а также запрещение тяжелых телесных экзекуций, таких как шпицрутены в солдатской службе, введение университетской автономии, а также военная реформа – все это способствовало тому, что широкие либеральные реформы дали свои начала. Однако многое также способствовало тому, что они не были продолжены.

Толчок либерального проекта развития России имел широкие последствия в кругу интеллигенции. Возникают два противоположных направления: либеральный западный тип ориентации, связанный с именем П. Чаадаева, особенно с выходом его «Философских писем», и противоположная группа, которая ориентировалась на славянофильскую идеологию и искала опору в общине, коллективизме. Ключевым словом становится понятие «соборность», введенное А. Хомяковым [7; 6].

Однако уже в конце XIX столетия либерализм становится одним из главных направлений политической идеологии, которое определило себя как неадекватная на славянской основе идеология. Возникает противоположный тип идеологии, более эклектический, более широкий, конфрактический либерализму, который связывают с либеральным консерватизмом. Его возникновение связывается с именем Д. Кавелина, а позже – с московским профессором, либеральным консерватором П. Чичериным. Это направление также было отмечено критикой Н. Бердяева [2].

Следовательно, либеральное движение не было настолько определенным, как на Западе, очень быстро было скорректировано ментальностью общинного коммунизма, возникшего после отмены крепостного права. Важно, что такой либерал и теоретик гражданских прав, как М. Вебер, выучил русский язык, чтобы изучить этот феномен. Его исследования гражданского общества в России свидетельствовали о радикальных отличиях западной либеральной идеологии и о ростках либерализма, которые возникали в России. Он показал, что Россия в большей мере зависима от архаичного коммунистического способа существования, который связывается с этнокультурой [3]. Фактически этот тип гражданского общества можно назвать коммунальным.

После 1917 года либерализм был придушен. Одним из теоретиков либерального движения в тот период был П. Струве. Именно он в сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи» писал о роли интеллигенции в революции [5]. Остро прозвучала статья Н. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда» [1]. Теоретики либерализма в послереволюционной эмиграции продолжали свою деятельность, начатую ранее. В рамках СССР либеральное движение существовало в контексте правозащитного диссидентского движения. Одним из важных теоретиков и правозащитников был А. Сахаров, который говорил о будущем как о трансформации социализма в «демократический социализм» с широким спектром гражданских свобод, социальной защиты, высоким уровнем жизни. Однако все эти формы «перехода» можно назвать паллиативами. Их можно назвать имманентными, поскольку они фор-

мировались в рамках метасистемы, которая определялась коммунистическим диктатом. Эти идеи не были настолько радикальными, чтобы изменить систему. Слом системы состоялся, как известно, в 1990-х годах с так называемой перестройкой М. Горбачева. Именно здесь состоялась легализация новейшего мировоззрения путем радикальных изменений. Это свобода информации, дискуссий и те демократические свободы, которые действительно стали легитимными.

Однако М. Горбачев пытался осуществить процессы либерализации общества эволюционным путем, что сразу же натолкнулось на неэффективные меры, которые пришлось проводить. Самыми главными были изменения в системе собственности, что уже состоялось у руководителей независимых государств, которые ориентировались прежде всего на экономические реформы. Реформы 1990-х годов, проводившиеся в контексте так называемой либерализации экономики, были драматичными, сложными. «Экономический либерализм» стал синонимом негативных последствий, которые состоялись путем хищнической приватизации и быстрого перераспределения ценностей. Случилось так, что коммунистическая бюрократия быстро превратилась в олигархическую бюрократию новоиспеченных капиталистов, изменение собственности состоялось только в рамках разрешенного «сверху» переворота.

Политический либерализм уже вошел в пространство стран-участниц, которые были сформированы на обломках СССР. Он стал необратимым, но тот транзит, который описывают современные теоретики транзитологии, остановился на разных стадиях своего развития. Либеральные тенденции были не везде восприняты, а главное, они находились в конфрактационной фазе с национальной идеей. Важно, что либерализм на Западе возник на почве крепкой национальной идеологии, где сама идея нации или национального единства считалась залогом осуществления либеральных реформ. В постсоветском пространстве нужно было строить государство и в то же время структурировать формы национальной идентичности. Это было чрезвычайно сложно, не всегда национальные формы строительства государства связывались с либеральными императивами и, более того, нормами, которые приходили с Запада.

Чаще всего они были конфликтными, так как возникали противоречия между национальной идеологией, которая традиционно негативно определялась как «национализм» (категория «национализм» как негативная идеологическая конфигурация известна еще со времен коммунистической идеологии). Таким образом, либерализм очень трудно прививался на основе бывшего СССР. Даже те партии, которые были сформированы как либеральные, были достаточно инфантильными, не имели никаких практических программ, касающихся изменения общества, были в большинстве абстрактными и в определенной мере очень быстро вышли из поля политических соревнований. В России примером этого являлась партия «Яблоко», которая так и оставалась дискуссионным клубом и ничего не могла противопоставить такой националистической группировке, как ЛДПР, которая традиционно использует риторику либеральной демократии. Либерально-демократическая партия Украины – еще более невыразительная конструкция [4, с. 137].

Главные ценности либерализма как политической идеологии – примат человеческой личности, приоритет индивидуальных свобод, а также равенство возможностей – в контексте российской и украинской ментально-

сти были откорректированы в ракурсе коллективистских, общинных ценностей и национальных приоритетов. В рамках осуществления экономического либерализма возникает такой регулятив, как рыночная экономика, который был явно переоценен и излишне идеологизирован. Политические инструменты и экономические приоритеты были формирующими в рамках ограничения влияния государства, а также договорного характера между государством и индивидом.

Однако нельзя сказать, что либерализм был совершенно не природным для коммунистической империи. Сама буржуазность как широкая установка, тип ведения хозяйства и ментальность уже вошла в пространство коммунистической номенклатуры, фактически либерализм был одной из составляющих коммунистической идеологии. Он не определялся широко, но входил как определенная система противовесов, которая была адаптирована коммунистической идеологией. Номенклатура уже давно жила при коммунизме, то есть олигархически-бюрократическом, фактически буржуазном, элитарном мире. Нужен был всего один шаг, чтобы изменить систему собственности, то есть легализовать «буржуазность» партноменклатуры.

Проект материального достатка Царства Божьего на земле или Нового эдема в виде коммунизма, который был проектно-ориентированным на приоритет материальных благ над духовными, явно использовал элемент «буржуазности». Наиболее драматичными и самыми сложными были отношения с сельской общиной, которая была уничтожена в рамках сталинской коллективизации. Колхозы были своеобразным государственным рудиментом, в котором была парализована воля общинного коммунизма, принадлежащего по традиции земской управе.

До сих пор эта проблема является центральной для развития постсоветских стран. Трудно сказать, насколько быстро нужно приватизировать землю, так как очень быстро состоялась приватизация в катастрофических и опасных масштабах, что привело к олигархическому капитализму в странах-участницах СНГ. С другой стороны, если земля – это основная ценность, то, сохраняя эту ценность в рамках той первичной коммунальности, фактически ни о каком транзите, ни о каком либерализме речь идти не может. И здесь можно сказать, что не следует спешить. Проблемой либеральной идеологии должна быть откорректирована той консервативной идеологией, которая возникла не сегодня, а в том же XIX столетии параллельно с либеральной идеологией. Она откорректировала либерализм в рамках эклектических ситуативных реалий, которые возникали в каждой стране-участнице, в каждой культурно-исторической ситуации.

Консерватизм как широкая установка – своеобразная мировоззренческая система. Он тоже не сводится к определенным политическим группировкам, а является противовесом, противодействием, которое корректирует именно интенции буржуазного влияния либеральной идеологии, а также интенции влияния рабочего класса в социалистических идеологиях, пытается найти определенные буферные зоны, которые создают своеобразную эклектическую промежуточную платформу. Можно утверждать, что консерватизм ориентирован на традицию, культуру, опыт культурно-исторического контекста, который существует в том или ином пространстве той или иной страны-участницы, и в то же время на сохранение ценностей, которые связаны с либерализмом. Консерватизм не противостоит либерализму как коммунистическая или социалистическая идеология,

он лишь корректирует его в рамках своеобразных культурно-исторических реалий.

То есть исторически консерватизм всегда был вторичным, модификационным, его можно назвать «пост-модернизмом», или постмодерной системой, которая все модернизации либерализма пытается откорректировать в контексте позитивных, ориентированных на традицию и культуру ценностей. Важно, что либерализм всегда выступал в определенной максималистской фазе. Он всегда нес сверхценности в виде либеральных демократических систем и свобод, всегда нуждался в определенной интенсификации этих ценностей, чтобы распространить свою идеологию. Консерватизм всегда сдерживал этот экстремизм и ориентировал его на достаточно реалистичное воплощение в контексте тех или иных реалий. Иными словами, современный консерватизм – это явление достаточно сложное, эклектическое, противоречивое; он ориентирован на целый спектр ценностей культурного, общественного, экономического и другого измерений (семью, общество, церковь, традиции, культурные ценности и так далее).

Если культурный либерализм иногда выглядит как анархизм, в котором права меньшинств, в том числе сексуальных, уравниваются с правами всех других людей, то это выглядит экстремизмом. Даже в Древнем Риме гомосексуализм никогда не пытался присвоить себе институт семьи. Семья была вне границ этого маргинального движения, маргинальной прослойки общества людей, их жизни, потому что она образует здоровую основу общества. Важно отметить, что именно либерализм XX – XXI столетий пытается унифицировать право, поставить всех в одну позицию равенства, которая является утопической, если не аморальной. Об этом хорошо писал еще Н. Бердяев. Такой экстремизм абстрактного права в либерализме корректируется именно либеральным консерватизмом. Либерализм вообще плохо «дружит» с культурой и религией как основами общества. Демонстрации против однополых браков в Западной Европе хорошо демонстрируют именно этот локус либерального консерватизма. Либеральный консерватизм – это тот же либерализм, но более реалистичный, более сдержанный, ориентированный на культурно-историческую ситуацию стран-участниц.

Впервые радикально противопоставил либерализм ценностям культуры и религии Н. Бердяев. Однако эта критика была не совсем корректной. Либерализм как политическая идеология и религия как система взглядов, как институт не являются эквивалентными, они находятся на разных уровнях духовной иерархии. Если идеология является экстремистской, экспансионистской системой взглядов, то религия является живым опытом актуализации культурно-исторического потенциала, опытом именно мировоззренческого типа, то есть синергией обмена знаниями, если речь идет о христианстве. Н. Бердяев не замечает эти тонкости, поскольку он изначально живет в профетическом мире христианского мессианизма. Де-факто, то есть эксплицитно, проводится мысль, что религия тоже становится идеологической силой, определенной идеологией, редуцированной системой ценностей, если она вступает в контекст идеологических соревнований.

Это мнение явно просматривается в критике либерализма ученым. Так, в книге «Философия неравенства», в письме седьмом «О либерализме» он пишет: «Слово «либерализм» давно уже потеряло всякое обаяние, хотя происходит оно от прекрасного слова «свобода». Свободой нельзя пленить массы. Масса не доверяет свободе и не умеет

связать ее со своими насущными интересами. Поистине в свободе есть скорее что-то аристократическое, чем демократическое. Эта ценность более дорога человеческому меньшинству, чем человеческому большинству, обращена прежде всего к личности, индивидуальности. В революциях никогда не торжествовал либерализм. Не только в социальных, но и в политических революциях он не торжествовал, так как во всех революциях поднимались массы. Масса же всегда имеет пафос равенства, а не свободы. И большими революциями всегда двигало начало равенства, а не свободы. Либеральный дух по существу – не революционный дух. Либерализм есть настроение и мирозерцание культурных слоев общества. В нем нет бурной стихии, нет огня, воспламеняющего сердца, в нем есть умеренность и слишком большая оформленность. Правда либерализма – формальная правда. Она ничего не говорит ни положительного, ни отрицательного о содержании жизни, она хотела бы гарантировать личности любое содержание жизни» [2, с. 142]. Н. Бердяев считает, что либерализм более формален, чем онтологичен.

Следовательно, можно утверждать, что здесь мы попадаем в контекст ситуативного, а не онтологического понимания либерализма, хотя об этом также говорит Н. Бердяев как о столкновении ценностей культуры. Он пишет: «Либеральная идея не обладает способностью превращаться в подобие религии и не вызывает к себе чувства религиозного порядка. В этом слабость либеральной идеи, но в этом и хорошая ее сторона. Идеи демократические, социалистические, анархические притязают давать содержание человеческой жизни; они легко превращаются в лжерелигии и вызывают к себе отношение религиозного характера. Но в этом-то и коренится ложь этих идей, так как в них нет никакого духовного содержания, нет ничего, достойного религиозно-патетичного отношения. Прикрепление религиозных чувств к недостойным предметам есть великая ложь и соблазн» [2, с. 142].

Н. Бердяев говорит, что либерализм остается в реальной рамке политической идеологии и не пытается быть религиозной силой, и в этом его сила. Но он спрашивает, есть ли онтологическое (религиозное) ядро в либерализме. И отвечает: «В людях, слишком поверивших в либеральную идею и исповедующих доктрину либерализма, в либеральных движениях и партиях слишком мало онтологического» [2, с. 143]. Таким образом, именно общество, государство, церковь как онтологические предикаты либерализма становятся предикатами воплощения духа личности, духа индивидуальности в контексте культуры цивилизации и общества в целом.

Также Н. Бердяев говорит, что главный грех идеи либерализма – это естественность, то есть не культурная реальность и не опыт культуры, а так называемое естественное право [2].

Итак, данная критика характеризует либерализм с позиции экстремальных универсалистских требований. Либерализму как идеологии противостоит культура в целом, религия, национальный дух, духовная жизнь и вообще онтологические истоки любой свободы. Можно ли требовать от либерализма всего этого? Как от политической идеологии – конечно, нет. Как от мировоззрения – можно. Но это мировоззрение политическое, и это нужно четко определять. Н. Бердяев этого не хочет видеть. Он пишет: «Либерализм как целое настроение и мирозерцание – антиисторичен, столь же антиисторичен, как и социализм. И с этой стороны ждет его суровый суд. Все более глубо-

кие попытки обоснования либерализма упираются в идею естественного права» [2, с. 153].

Конечно, такие констатации свидетельствуют о том, что либерализм как мировоззрение, «связывание» тут же коррелирует с консерватизмом. Консерватизм становится тем глубинным, фундаментальным онтологическим измерением, о котором пишет Н. Бердяев. Вся апелляция к основе, к нации, как это определил Н. Бердяев, – это поиски онтологических глубинных предикаций. Они привели в истории культуры к различным течениям. Крайние – это фашизм, который ищет принципы в нации, более того, в расовом отличии людей, социализм и плюралистический консерватизм, который совмещает в себе либеральные идеологии, либеральные течения с теми всеми культурными и антропоцентристскими тенденциями, которыми обладают культурные ценности.

Однако либерализм никогда не существовал в виде абстрактной системы догм и норм, то есть идеологии, которая не имела бы своего механизма воплощения. Таким механизмом воплощения становится демократия. Идея либеральной демократии фактически является тем западным механизмом транзита, который прививается и становится механизмом привития в постсоветских странах-участницах. Однако, опять-таки, идея демократии не является универсальной. Н. Бердяев с его ортодоксально-христианским мировоззрением критикует все демократические или псевдодемократические идеологии, а также течения, дает им оценку именно как человек, который ориентируется на глубинные онтологические принципы религиозного сознания.

Мы не даром так много внимания посвящаем Н. Бердяеву, поскольку именно он радикально поставил вопросы, которые в настоящий момент замалчиваются, более того, даже затираются. Мы очень много говорим о транзите, о самих механизмах привития западного демократического либерализма, но не видим сущность самой либеральности демократии, о которой так откровенно и искренне говорил Н. Бердяев.

В письме восьмом «О демократии» книги «Философия неравенства» Н. Бердяев пишет: «Демократическая идеология есть крайний рационализм. Он покоится на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и окончательно устроить ее одними человеческими силами. Последовательная демократия должна отрицать существование иррациональных начал в общественной жизни и не может их терпеть» [2, с. 167].

Все это легко затем подтверждается возникновением так называемых электоральных демократий в коммунистических и посткоммунистических обществах. Все формальные признаки демократии присутствуют, выборность существует, механизм подсчета голосов существует, но за этим стоит вовсе не демократическая процедура подмены волеизъявления народа действиями бюрократического аппарата, который просто манипулирует, подтасовывает и фальсифицирует саму демократическую процедуру.

Следовательно, Н. Бердяев четко увидел то, что в настоящий момент определяется как манипуляция, как электоральная демократия. То есть демократия, лишенная сущности, не соединенная с духом нации, согласно Н. Бердяеву, является декоративной, внешней и ненужной реальностью. Ученый остро критикует эгалитаризм демократии как искушение, пишет, что власть не может принадлежать всем, не может быть механической. Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям нации. И здесь же Н. Бердяев говорит, что дух нации нужно противопоста-

вить дионисийскому истоку, той мистике народной стихии, которая является мятежной и не может быть оформлена в дисциплину общественного сознания.

Главным в современных трансформациях, транзите западных ценностей на основе постсоветских стран является вопрос, как соединить абстрактную догматику идеологических принципов и экстазику культурной, национальной почвы, стихию, мистику и темноту человеческого бунта, которую связывают с различными революциями (цветными революциями современности) или всеми кодексами революционного сознания, какие мы приобрели в истории. Как соединить истинно свое, родное с теми догматами и нормативами либерализма, которые не ориентированы на консервативно-традиционную реальность онтологического самоосуществления национального сознания без искривлений и без локальных ограничений?

Если Греция, например, начинала свою модернизацию в достаточно благоприятных условиях, то уже посткоммунистическая Европа в следующей волне демократизации не имеет таких условий. Здесь верх берут так называемые ностальгические настроения возвращения к коммунистическим режимам. Если это не происходит постфактум, реально, то хотя бы происходит на уровне политической борьбы и партийных ориентаций. Так, возрождается Коммунистическая партия в Чехии, в Венгрии существует достаточно слабое гражданское общество. Нельзя говорить, что демократические преобразования состоялись в Боснии и Герцеговине, а также в анклавах Косова. Здесь проблемы освоения демократических ценностей остаются достаточно острыми.

Также трудно происходит транзит именно в странах-участницах Юго-Восточной Европы в контексте рыночной экономики, хотя экономические программы более продвинулись вперед, чем политические реалии, связанные с

партийной политической борьбой. Посткоммунистический Восток, в отличие от Центральной и Юго-Восточной Европы (стран-участниц СНГ), тяготеет к гомогенизации политических систем. Так, почти все страны-участницы избрали президентско-парламентскую или сугубо президентскую форму государственного строя. Авторитарные режимы сложились в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане.

Выводы. Однако можно говорить, что сама категория транзита в рамках уже отмеченных идеологических конфигураций как привитие политической и идеологической системы либерализма и консерватизма свидетельствует о сложности самой транзитологии как системы оценок и транзита, заимствования западных норм демократии и прямого переноса их в контекст стран постсоветского пространства.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда / Н. Бердяев // Вехи : сб. русской интеллигенции / сост. А. Яковлева. – М. : Правда, 1991. – С. 11–31.
2. Бердяев Н. Философия неравенства / Н. Бердяев. – М. : Има-Пресс, 1990. – 286 с.
3. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
4. Полохало В. Українська політична система на тлі посткомуністичної трансформації / В. Полохало // Політологія посткомунізму. – К. : Політична думка, 1995. – С. 135–142.
5. Струве П. Интеллигенция и революция / П. Струве // Вехи : сб. русской интеллигенции / сост. А. Яковлева. – М. : Правда, 1991. – С. 150–167.
6. Хомяков А. Сочинения : в 2 т. / А. Хомяков. – М. : Медум, 1994– . – Т. 1. – 1994. – 590 с.
7. Чаадаев П. Статьи и письма / П. Чаадаев. – М. : Современник, 1989. – 624 с.